

С. С. Бодрунова

Парадигмы «адвокатирования» и «арбитража» в западной журналистской этике и их ценностно-нормативное наполнение

*S. S. Bodrunova. Paradigms of «advocacy» and «arbitration» in the Western
journalistic ethics and their normative content*

В статье раскрывается парадигмальная разница между двумя интерпретациями журналистского профессионализма, влияющими на производственные, социологические, правовые и этические аспекты развития журналистской профессии в странах устойчивой демократии: парадигмой «арбитража» и парадигмой «адвокатирования». Актуальность исследования обусловлена двумя факторами: сохраняющейся в российском медиасообществе необходимостью выбора этико-правовых ориентиров и ростом внимания к данной тематике в самих демократических странах в связи с нарастающим кризисом общественной коммуникации [1] и разочарованием в механизмах связывающих социальные демократические практики и работу СМИ. Автор показывает, что в чистом виде ни одна из парадигм не существует в практике медиасистемы; в каждый момент времени происходит выбор парадигмы на индивидуальном, редакционном, сегментном уровнях. Предполагается прямая пропорциональная зависимость доминирования парадигмы «арбитража» от показателей экономической автономии каждого из типологических сегментов медиарынка.

Ключевые слова: этика журналистики, журналистский профессионализм, журналистика развитых стран, медиаправо, этический кодекс, ценностная парадигма

Контактные данные: 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26; (812) 328-59-96; visual@jf.pu.ru.

The article reveals a paradigmatic difference between the two interpretations of journalistic professionalism affecting on production, sociological, legal and ethical aspects of the journalistic profession development in countries with stable democracy: the paradigm of «arbitration» and the paradigm of «advocacy». The actuality of the research is determined by two factors: continuing in the Russian media community the necessity of choice of the ethical and legal guidelines and increasing attention to the topic in themselves democratic countries in connection with a growing crisis of public communication and disappointment in the mechanisms linking social democratic practices and the media. The author shows that pure none of paradigms does not exist in practice of media systems; at each moment of time there is a choice of paradigm on the individual, editorial, segment levels. It is assumed direct proportional dependence of domination paradigm of «arbitration» from indicators of the economic autonomy of each of the typology media market segments.

Keywords: ethics of journalism, journalistic professionalism, journalism of developed countries, media law, code of ethics, paradigm of values.

Contact details: First Line 26, V. O., St. Petersburg, Russian Federation, 199004; (812) 328-59-96; visual@jf.pu.ru.

Современная российская медиасистема, развивающаяся на протяжении более чем двадцати лет, испытала и продолжает испытывать влияние западных моделей

Светлана Сергеевна Бодрунова — заведующая кафедрой «Медиадизайн и информационные технологии» Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политических наук, доцент.

© С. С. Бодрунова, 2014

журналистики [2; 3], в т. ч. моделей журналистского профессионализма в его правовой и этической составляющих.

Распространенным в российской медиасреде является мнение, что так называемый западный стандарт журналистики и его этико-правовой базис являются маловариативной, жестко заданной системой, которая может быть описана как единый свод норм, гайдлайнов (указаний в сфере поведения) и индустриальных шаблонов. Однако современная медиатеория прослеживает наличие как минимум *двух парадигм* ценностно-нормативного наполнения журналистского стандарта, между которыми существует принципиальная разница, а иногда и противостояние.

Так, например, Д. Хэллин из США и П. Манчини из Италии в книге «Сравнение медиасистем» (2004) пишут, что в медиасистемах демократического ареала сегодня сосуществуют две исторические парадигмы политической пристрастности СМИ [4, р. 26–27]. Однако парадигмальная разница касается не только политической пристрастности в медиа; она относится ко всему ценностному наполнению журналистской деятельности. Мы назовем их парадигмами *адвокатирования* и *арбитража*. Также их условно называют парадигмами XVIII и XIX вв. — по времени формирования; парадигмами «нейтральной прессы» и «прессы участия» — по пониманию сути социальной и личной ответственности журналиста [5, р. 523].

Парадигма адвокатирования состоит в открытом признании тем или иным СМИ своей общественно-политической позиции и открытом адвокатировании (артикуляции, продвижении, отстаивании) интересов, соответствующих этой позиции. Парадигма арбитража, напротив, состоит в том, что СМИ придерживаются нейтралитета в обсуждении вопросов повестки дня, занимая позицию арбитра и предоставляя потребителю самому решать, на чью сторону вставать в том или ином социальном споре. Обе позиции проистекают из политической и медийной культур, развивавшихся в разные периоды становления современных демократий, и различаются ценностным наполнением, особенно в формулировке целей и «практического идеала» журналистики.

Подчеркнем еще раз: обе позиции обладают парадигмальным характером, поскольку с ними связан целый ряд черт в медиасистемах демократических стран. Так, адвокатирование как базовый принцип вызывает развитие полемической публицистики и богатого риторического стиля изложения, политическое разделение журналистского сообщества, более тесные формы сотрудничества журналистов и политиков, особая структура политического параллелизма [6] на медиарынке, поддержка внешнего (рыночного) медиаплюрализма, стремление реконструировать в медиатексте полный политический контекст [7]. Арбитраж обычно связывают с телеграфным новостным стилем, балансом источников информации, высоким градусом противостояния журналистского и политического сообществ, доминированием в медиасреде теории социальной ответственности прессы, опорой на нейтральность, развитием общественных СМИ, поддержкой внутреннего (редакционно-авторского) плюрализма.

Смена парадигмы с адвокатирования на арбитраж, по словам многих аналитиков, происходила в XIX в., а именно — с 1860-х гг. до конца Первой мировой войны [8]. Именно в этот период сложились сразу несколько факторов, способствовавших зарождению нейтральной и аудиторно-ориентированной журналистики и разрыву экономической связки «политические акторы — качественная журналистика». Базой для роста парадигмы арбитража в прессе Европы и Америки стали:

- рост начального школьного образования, давший скачок грамотности и приведший к появлению новой массовой читающей аудитории;

- скачок развития наборных и печатных технологий, позволявших обеспечить новую аудиторию адекватным объемом тиража;
- опыт качественной журналистики в европейских странах (рождение института специальных и собственных корреспондентов), показавший зависимость прибыли от качества репортажа, а не от занимаемой позиции;
- опыт сенсационалистской прессы (особенно в США и Великобритании), показавший возможность стабильной финансовой независимости медиапроизводства от политически ангажированных дотаций.

Таким образом, и качественная, и массовая пресса в описываемый период пришли к формированию новой связки: «новая массовая аудитория — востребованный контент». Это всего за несколько десятилетий сделало экономической базой прессы не дотационную модель, а модель двойной конверсии медиапродукта, в которой контент продается аудитории, а аудитория — рекламодателю, тогда как медиапродукт производится всего единожды. Вероятно, именно в силу деполитизации экономики прессы этот период связывают с приложением идей классического либерализма к развитию медиасистем и медиадеонтологии, что и привело, как считается, к формированию в публичном пространстве новой парадигмы в журналистике.

Две описываемые парадигмы являются полярными по отношению друг к другу. С точки зрения одной из парадигм наличие элементов второй всегда воспринимается как «противостояние идеала и суровой реальности»: «Разрыв между идеалом и реальностью намного больше в таких странах, как Италия или Испания, где журналисты высказывают приверженность либеральной модели нейтральности и объективности, однако действительная журналистская практика уходит корнями глубоко в традиции партийно-пристрастного адвокатирования» [4, р. 13–14]. Или, например, в США период с момента появления первых изданий и примерно до конца 1830-х гг. (появление массовой коммерческой прессы) исследователи «склонны называть Темной эпохой американской журналистики» [7], поскольку в тот период в СМИ доминировала парадигма адвокатирования. В США практическое влияние новой парадигмы стало весомым не ранее конца XIX в., поскольку до этого «независимо от географии, размера издания и его типа (коммерческие, партийные газеты, пресса ассоциаций)... газеты были проникнуты ценностями ассоциации, аффилиации и партийной пристрастности» [9, р. 60]. Эта точка зрения на периодизацию подтверждается тем, что именно в этот период американская журналистика осознает себя как профессиональное сообщество: в 1873 г. в Корнеллском колледже впервые выдается «сертификат журналиста», в 1876 г. создается Пресс-ассоциация Миссури с первым кодексом этики, в 1894 г. появляется учебник журналистского дела Э. Шумана «Шаги в журналистику», в 1902 г. Дж. Пулитцер основывает фонд при Колумбийском университете для создания школы журналистики, впоследствии одной из лучших журналистских школ Нового Света.

Противостояние парадигм можно представить следующим образом (см. табл. 1).

Противостояние двух ценностных парадигм прослеживалось в журналистике на протяжении десятилетий. Но после Второй мировой войны можно проследить поворот уже в медианауке от поддержки адвокатирования к поддержке арбитража. Например, это заметно в том, как интерпретируется понимание интересов общества (public interest), которые журналистика призвана обслуживать. Если в 1975 г. модель адвокатирования еще воспринимала целенаправленную нейтральность объективного журналиста как «неверное служение обществу» [11], то в 1991 г. Дж. Розен указал на разрыв между восприятием интересов общества журналистами и самим обществом [12], причем общество хотело бы, по мысли Розена, именно адвокатирования его интересов. Но в журналистике к тому моменту уже доминировала парадигма арбитража, и «неверным служением обществу» и «предательством

миссии журналиста» считалось уже нарушение заповедей нейтрально-объективного освещения событий и раскрытие личных предпочтений журналиста [13].

Таблица 1

**Парадигмы «адвокатирования»/«участия» и «арбитража»/
«нейтралитета»/«детачмента» в оценке ученых**

Параметр сравнения	Парадигма «арбитража»	Парадигма «адвокатирования»
Источник новостей	Новости естественным путем возникают из событий реального мира	Новости возникают из событий социальной реальности, но не обязательно раскрываются естественным путем, сами собой
Интересы общества (public interest)	Служение каждому потребителю медиасервиса	Служение слоям общества, требующим наибольшей защиты и отстаивания их интересов
Основная роль журналиста	Наблюдатель социального процесса, передатчик точной информации о нем	Обозреватель социального пространства, ответственный за связь его частей
Основная функция новостных СМИ	Беспристрастное передаточное звено, изливающее (dispensing) информацию на аудиторию	Активная (творческая) роль в отборе новостей, создание контекста для новости, придание новостям социальной значимости через интерпретацию
Понимание журналистской ответственности	Для достижения идеала социально ответственной журналистики достаточно объективности, фактической точности, верификации информации	Основные новости дня выйдут в публичную сферу только в результате того, что журналист «налагает» на события свою точку зрения и создает контекст
Источник журналистской ответственности	Объективность и точность фактов ритуализируются и связываются с понятием истины (truth); источник истины — сами события реального мира	Ответственность журналиста формулируется как его индивидуальная ответственность за передаваемую новость. Особую роль играют отношения с источником и релевантность новости известному контексту
Главные грехи журналиста	Сенсационализм как преувеличение реальной значимости событий, пристрастность (bias) как нарушение нейтралитета наблюдателя, вовлеченность в событие (несоблюдение «детачмента», или «отделенности» журналиста от обсуждаемой проблематики)	Недостаточная тщательность в расследовании новостной истории, поверхностность, «блокирование» новостей от попадания в повестку дня
Основания для политического репортажа	Коммерческая пресса работает ради дохода, а не ради политических целей (середина — конец XIX в.)	Пресса возникает как влиятельная политическая сила (XVIII в.)
Практика политического репортажа	Ограничения на интерпретацию фактов, ориентация на идеал нейтральности и беспристрастности, политический арбитраж	Опора на политические воззрения, артикуляция и адвокатирование позиции, открытое убеждение через аргументацию

Источник: составлено по [4, р. 26; 5, р. 523; 10, р. 153].

В 1960–70-е гг. в медиалогии Запада (в основном Великобритании и США) шло активное обсуждение того, что обе парадигмы накладывают отпечаток на журналистскую практику, особенно на работу журналистов-международников («public/international affairs reporters»). Они считаются новостными журналистами, однако на них лежит обязанность воссоздания контекста, поскольку растущая сложность как внутривосточной, так и международной повестки дня требует роста ориентирующей функции в труде журналиста; аудитория высказывает к таким журналистам смешанные ожидания. У таких журналистов, как отмечал Б. Коэн из Принстонского университета, срабатывают два набора концепций: один предписывает оставаться нейтральным наблюдателем, второй неизбежно вовлекает журналиста в процесс создания *policy* (политики/программы по вопросу повестки дня). Смешанные ожидания, влияющие на все аспекты журналистской деятельности, формируют определенную дуальность в работе репортеров, которую Коэн называет раздвоенным профессиональным существованием [14]. Другие известные ученые, среди которых Д. Ниммо и Д. Данн, в этот же период исследовали сходную проблему конкурирующих ожиданий и «двух противоположных психологических состояний»: персональной вовлеченности и эмоционального нейтралитета [15; 16; 17, р. 249]. Отметим также, что в 1970-е гг. среди исследователей еще не было согласия в том, какие функции журналистики относить, скажем, к парадигме арбитража. Так, известная формулировка о «функции сторожевого пса демократии» (выявление злоупотреблений в публичной сфере), сегодня безусловно признаваемая как часть парадигмы арбитража, в 1970-е гг. относилась исследователями к парадигме адвокатирования. «Внутри самой журналистики дискуссия разворачивается вокруг вопросов объективности — субъективности, детачмента — адвокатирования, наблюдения — сторожевой функции» («...observer versus watchdog») [5, р. 522]. А М. Яновиц в 1975 г. (довольно неожиданно для сегодняшних ученых) противопоставил модель адвокатирования модели гейткипинга («привратничества») [11], хотя последняя подразумевает как раз активную роль журналиста в отборе и интерпретации фактов, и сегодня дискуссия о гейткипинге в СМИ является частью критического курса о недолжных медиапрактиках.

И хотя сегодня известно, что к 1980-м гг. в атлантической журналистике победила в целом парадигма арбитража (именно она отражена в наиболее известных кодексах этики и устанавливает доминирующее понимание «практического идеала» в работе журналиста), можно сделать вывод о большем, чем принято считать, влиянии парадигмы адвокатирования на «практический» журналистский идеал Запада. Так, ученые склонны рассматривать «расследовательский, аналитический и интерпретативный репортаж» как определяемый через «участнические» журналистские роли, связанные с «участническими» же ценностями [5, р. 526].

Сами западные медиакритики, осознавая такое «опасное» влияние участнических ценностей на понимание идеальной журналистской практики, постоянно пытаются установить, в каких демократических медиакультурах еще сохраняются элементы парадигмы адвокатирования и как участнические ценности влияют на развитие журналистики в «новых демократиях» [18, р. 1]. Несмотря на общие либерализационные тенденции в Европе и Америке, и по сей день в демократических полициях степень доминирования парадигмы арбитража неодинакова. Более близкие нашему времени исследования четко показывают, что в разных государствах евроатлантического региона присутствует разная степень «advocacy journalism»: журналистика Германии и Италии в целом более близка к такой «адвокатирующей» модели, тогда как англо-американские СМИ гораздо ближе к нейтралитету [19; 20].

В отдельных аспектах медиапроизводства разница проявляется еще ярче. Так, в политической журналистике формируются специфические формы партийно-газетного параллелизма [21] и практические исследования этого параллелизма указывают, например, на его низкую степень в США, среднюю в Германии, Великобритании и Швеции и высокую в Италии [22]. Впрочем, не все критики поддерживают переход всей журналистики к арбитражу, указывая, в частности, что «по всему миру более партийно-пристрастные системы прессы формируют более высокую явку избирателей и более страстные политические культуры» [7]; это подтверждается и эмпирическими исследованиями последних лет. Особенно важна высокая степень пристрастности журналистики для тех избирателей, которые политически апатичны [23].

Но даже в наиболее приверженных нейтралитету медиакультурах парадигма участия постоянно возвращается в практику журналистов, проявляясь в самых разных ситуациях — от работы *campaign(ing) reporters* («репортеров, ведущих кампанию в чью-либо поддержку»), где работа журналиста смыкается с политическим и гражданским активизмом, и до деятельности центральноевропейских журналистов, аккредитованных при органах ЕС в Брюсселе. Недавнее исследование показало, что комплексность проблематики, обсуждаемой в правящих органах Евросоюза, настолько велика, что «журналисты видят своей высшей целью объяснить работу ЕС и добиться, чтобы аудитория лучше понимала всеевропейский процесс принятия решений», притом что другие «участнические» практики, такие как расследование и критика, перестают применяться [24, р. 73]. Но самый, пожалуй, известный случай возврата к парадигме участия в последнюю четверть века — волна так называемой общественной журналистики (*public journalism*) в региональной прессе США рубежа 1980–1990-х гг. Она была направлена именно на изменение журналистской этики, основанной на арбитраже и уже воспринимавшейся как традиционная [25], в которой издание может завоевать доверие аудитории только через сбалансированное сообщение информации и эмоциональный арбитраж. «Общественная журналистика», развивавшаяся как движение в медиа-среде США, отказалась от арбитража и приняла на себя активную роль организатора и промоутера политического диалога на местном уровне [26], что немедленно вызвало шквальную критику: крупные редакции усмотрели в этом угрозу традиционным и универсальным ценностям журналистики [27]. Проекты по активизации участия в выборе повестки дня в местных и региональных газетах США (наиболее знаменитые случаи — газеты *Columbus Ledger-Enquirer* и *Charlotte Observer*) вызвали жесткий отпор со стороны крупнейших газет и журналов: язвительные критические статьи появились в «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Бостон глоуб», журнале «Нью-Йоркер». Самым известным сторонником «общественной журналистики» был вышеупомянутый Дж. Розен, в чьих работах понимание ответственности журналиста сдвигалось в сторону организации совместных попыток журналистов и их аудитории решать социальные проблемы. Но позднейшее исследование в среде работников региональной прессы среднего и низшего звена показало, что инициатива «общественной журналистики» не была всеамериканской: региональное газетное сообщество продолжало руководствоваться «традиционными» арбитражными позициями, и даже те журналисты, которые разделяли некоторые установки новой волны, не менее трепетно относились к ценностям объективности и независимости [28].

В журналистской культуре конца прошлого века выбор той или другой ценностной ориентации отдельными журналистами, по заверениям ученых, зависел не только от доминирующей ценностной парадигмы, разделяемой медиасообществом в целом, но и от социальных факторов, таких как возраст журналистов;

размер того населенного пункта, где находится редакция; степень интеграции в местное сообщество; и др. Так, в 1970-е гг. изучалась связь парадигм с независимыми переменными: образованием, возрастом, условиями труда, текущими обязанностями и моделями профессиональной интеграции [5, р. 530]. Самым значимым из них оказался фактор образования, причем «участнические» роли оказались более близки журналистам с высоким уровнем медиаобразования [5, р. 531–532]. Спустя 40 лет можно смело предположить, что сегодня ситуация обратная: в евроатлантической зоне журналисты, получившие высшее профессиональное образование именно в сфере медиа, интериоризируют как раз ценности арбитража и вместе с ними — демократические роли СМИ. Однако следует указать: в ведущей академической литературе, говорящей о ролях и функциях СМИ в демократии, происходят постоянные попытки расширить перечень этих функций именно в сторону «участнических». Так, Дж. Бламлер и М. Гуревич в 1990 г. перечислили, помимо функций надзора над социополитическим пространством, функции подотчетности официальных лиц и организации широкого общественного диалога, функции значимой установки повестки дня, создания платформы для политиков и групп давления для продвижения их идей, стимулирования вовлеченности аудитории [29, р. 25–26]. В 2007 г. С. Борден в книге «Журналистика как практика» называет основными гражданскими функциями СМИ надзор, интерпретацию и вычисление вероятностей, которое она определяет как «оценку реалистичных возможностей повлиять на отдельные вопросы повестки дня путем коллективного действия» [30, р. 57]. А М. Шадсон в новейшей работе 2008 г. добавляет к функциям информирования и организации общественного форума расследование, анализ, развитие социальной эмпатии и политическую мобилизацию [31, р. 12]. Так же мыслят создатели и контролеры общественных СМИ, например Би-би-си в лице контролирующей организации *BBC Trust*: важнейшими целями Би-би-си наряду с развитием независимой журналистики высочайшего качества и пространства для дебатов признаны вовлечение аудитории в текущие события и формирование понимания парламентского процесса и институтов политического управления в Британии [32].

Поэтому говорить о монолитной системе журналистского профессионализма в западной журналистике не представляется возможным. Парадигма арбитража складывалась с развитием коммерчески стабильного рынка прессы, и потому ее доминирование зависит от традиций вмешательства государства в журналистику и опыта автономии национальных медиаэкономик, особенно в сегменте прессы: чем либеральнее и автономнее рынок, тем более вероятно, что будет доминировать парадигма арбитража. Независимые переменные (возраст, образование, степень интеграции в местное сообщество) играют роль на уровне индивидуальных предпочтений, а на уровне редакции на выбор парадигмы оказывает влияние традиция медиаполитического параллелизма в стране.

Литература

1. *Blumler J. G., Gurevich M. The Crisis of Public Communication. London: Routledge, 1995.*
2. *Splichal S. Media beyond Socialism: Theory and Practice in East-Central Europe. Boulder: Westview Press, 1994.*
3. *Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: Издательство Медиамир, 2013.*
4. *Hallin D. C., Mancini P. Comparing Media Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.*
5. *Johnstone J. W. C., Slawski E. J., Bowman W. W. The Professional Values of American Newsmen // Public Opinion Quarterly. 1972–73. Vol. 36. Is. 4. P. 522–540.*

6. Media-Political Parallelism as an Indicator in Studying Mediocracy // ISLC 2012 Proceedings / Book 6. Izmir, 2012. P. 941–956.
7. *McChesney R., Nichols J.* The Rise of Professional Journalism: Reconsidering the roots of our profession in an age of media crisis // In *These Times*. 2005. 8 Dec. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inthesetimes.com/article/2427> (дата обращения: 19.01.2014).
8. *Kaplan R. L.* The News About New Institutionalism: Journalism's Ethic of Objectivity and Its Political Origins // *Political Communication*. 2006. Vol. 23. Is. 2. P. 173–185.
9. *Ryfe D. M.* News, Culture and Public Life: A study of 19th-century American journalism // *Journalism Studies*. 2006. Vol. 7. Is. 1. P. 60–77.
10. *Tsfari Y., Meyer O., Peri Y.* What is good journalism? Comparing Israeli public and journalists' perspectives // *Journalism*. 2006. Vol. 7. Is. 2. P. 152–173.
11. *Janowitz M.* Professional Models in Journalism: The Gatekeeper and the Advocate // *Journalism Quarterly*. 1975. Vol. 52. P. 618–626.
12. *Rosen J.* Making Journalism More Public // *Communication*. 1991. Vol. 12. Is. 4. P. 267–284.
13. *Schudson M.* The Objectivity Norm in American Journalism // *Journalism*. 2001. Vol. 2. Is. 2. P. 149–170.
14. *Cohen B. C.* *The Press and Foreign Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.
15. *Dunn D. D.* *Public Officials and the Press*. Reading, PA: Addison-Wesley, 1969.
16. *Nimmo D. D.* *Newsgathering in Washington*. New York: Atherton, 1964.
17. *Kimball P.* Journalism: Art, Craft, or Profession? // *The Professions in America* / Ed. by K. S. Lynn. Boston, MA: Beacon, 1963. P. 242–260.
18. *Lee C. C., Chan M., Lee S. N.* Professionalism among Hong Kong journalists in comparative perspective // AMIC Seminar on Asian Values in Journalism: Nilai-Nilai Kewartawanan Asia, Kuala Lumpur (August 24–25, 1995).
19. *Kocher R.* Bloodhounds or Missionaries: Role Definitions of German and British Journalists // *European Journal of Communication*. 1986. Vol. 1. P. 46–65.
20. *Mancini P.* Between Trust and Suspicion: How Political Journalists Solve the Dilemma // *European Journal of Communication*. 1993. Vol. 8. P. 33–51.
21. *Seymour-Ure C.* *The Political Impact of Mass Media*. Beverly Hills: Sage, 1974.
22. *Patterson T. E., Donsbach W.* Press-Party Parallelism: A Cross-National Comparison // Paper presented at the International Communication Association conference. Washington, D. C. May 28, 1993.
23. *Van Kempen H.* Media-Party Parallelism and Its Effects: A Cross-National Comparative Study // *Political Communication*. 2007. Vol. 24. Is. 3. P. 303–320.
24. *Lecheler S. K., Hinrichen M. C.* Role Conceptions of Brussels Correspondents from the New Member States // *Javnost — The Public*. 2010. Vol. 17. Is. 1. P. 73–86.
25. *Shepard A.* The gospel of public journalism // *American Journalism Review*. September 1994. P. 28–35.
26. *Hodges L.* Ruminations about the communitarian debate // *Mixed news: The public/civic/communitarian journalism debate* / Ed. by J. Black. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1997. P. 38–49.
27. *Yardley J.* Public journalism: Bad news // *The Washington Post*. 1996. 30 Sept. P. C2.
28. *Arant M. D., Meyer P.* Public and Traditional Journalism: A Shift in Values? // *Journal of Mass Media Ethics*. 1998. Vol. 13. Is. 4. P. 205–218.
29. *Blumler J. G., Gurevitch M.* Political Communication Systems and Democratic Values // *Democracy and the Mass Media* / Ed. by J. Lichtenberg. New York: Cambridge University Press, 1990. P. 24–35.
30. *Borden S. L.* *Journalism as practice: MacIntyre, virtue ethics and the press*. Hampshire: Ashgate, 2007.
31. *Schudson M.* *Why democracies need an unlovable press*. London: Polity Press, 2008.
32. Public purposes: Citizenship. Sustaining citizenship and civil society // BBC website. 2008. [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.co.uk/aboutthebbc/purpose/public_purposes/citizenship.shtml (дата обращения: 14.01.2014).